

ФЕДОР
КОНЮХОВ

ОДИНОЧНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ

Дневники
путешественника

Преодолей себя

Федор Конюхов

Одиное
повествование (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Конюхов Ф. Ф.

Одинокое повествование (сборник) / Ф. Ф. Конюхов —
«Эксмо», 2018 — (Преодолей себя)

ISBN 978-5-04-090826-4

Каждому человеку хотя бы раз в жизни приходится переживать ситуацию, которую можно назвать «на грани выживания» или «между жизнью и смертью». Неоценимой поддержкой и опорой в этом пути преодоления обстоятельств, себя, судьбы к воскрешению и возрождению станет издание «Одинокое повествование» – сборник книг странника-пилигрима, писателя и священника Федора Конюхова. Его странствия – не просто путешествия или научные экспедиции. Это тяжелейшие паломничества для испытания силы и веры. Каждый из нас должен подняться на свой Эверест, пройти свою пустыню Сахару, проплыть свой мыс Горн. Преодолеть себя. В этом поможет уникальный учебник жизни, созданный Федором Конюховым на пути восхождения к Истине.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-090826-4

© Конюхов Ф. Ф., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Мой путь к истине	6
Часть I	7
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Федор Конюхов

Одинокое повествование

© Конюхов Ф., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Мой путь к истине

«Мой путь к истине»

2005–2015 гг.

Я предпосылаю моему изданию предисловие, пусть оно говорит само за себя.

Все, что содержится в этой книге, есть не что иное, как благодатное озарение моей души, которого я удостоился в моих океанских экспедициях в минуту одиночества и самоиспытания, особенно во время молитвы на палубе парусной яхты или во время гребли на весельной лодке через Тихий океан.

Когда позволяли погода и время, я записывал свои мысли и чувства, и из этих записей океанского дневника родилась эта книга. Содержание книги весьма разнообразно, как и моя жизнь. Читатель, если ты прочитаешь все мои записи, то не суди меня очень строго. Господь прощай, и ты прости меня.

Фёдор Конюхов
16 ноября 2015 года

Часть I

Одиночество – это дар, не каждый может его принять.

Глава 1

Как я могу именовать себя человеком, когда живу без людей? Страхом смерти утраченный, я покинул всех. Дни мои истощились, годы мои прошли в океанах. Я добровольно предал сам себя печали, упрекам и терзаниям своего заблудшего тела. Опасность сторожит меня на каждом шагу, но как же мне жить, чтобы услышать благой голос Отца Небесного: «Рабе благий и верный... войди в радость Господа Твоего» (Мф. 25, 21).

Здесь, в океане, на пути к мысу Горн, я молюсь Господу Иисусу Христу, чтобы Он мне помог разобраться: кто я такой и зачем живу такой жизнью. Я старец немощный, чьи дни подходят к концу. Сущность непостижимая, истина неисповедимая. Я большой грешник и не могу просить Царствия Небесного для себя, но прошу у Господа лишь облегчить мои страдания в этом плавании. Я каждый раз перед молитвой ищу в каюте Духа Святого и не теряю надежды увидеть Его.

По крайней мере, я признаю свое недостойство, это уже покаяние. Он, Господь Бог, понимает, к чему мне нужен финиш этого кругосветного плавания: чтобы построить часовню святому Преподобному Сергию Радонежскому в память морякам и путешественникам, погибшим на неведомых широтах Мирового океана и не получившим погребения, с надеждой на их воскресение.

Я часто слышу: «Сколько вами потеряно времени в плавании!» Логика обывателей мне понятна. Они хотят, чтобы жизнь состояла только из праздников. Но что тогда будет им в радость? К слову сказать, я не люблю праздники, по-моему, это достояние бездельников. Пока мое сердце тоскует по свежему ветру, я живу, но мало-помалу я старею.

Да! Мне нужно праздничное торжество для того, чтобы вода океана сделалась песнопением, но она пока еще пустое место, и я, застыв в неподвижности, буду слушать ее голос в безлунную ночь.

Я не пишу того, что все знают и понимают, я просто оставляю за собой след. Я принадлежу океану, он и я неразделимы.

Поверьте мне, молодой священник не способен к религиозным поучениям, он не имеет столько веры, чтобы содействовать любви, и надо самому испытать печаль, чтобы понять ее.

Поэтому я и говорю своим сыновьям: «Поэзию своей жизни вы создавайте сами, своими мозолями, ссадинами, мучениями собственной плоти. Что вы найдете, если не будет у вас побед, если у вас не будет праздничного торжества, когда вами построенный храм будет освящаться святой водой?»

Чтобы познать Господа, не надо иметь ни богатства, ни учености, но надо быть послушным и воздержанным, иметь смиренный дух и любить ближнего.

Сколько бы ты ни учился, все равно невозможно познать Господа, если не будешь жить по Его заповедям, ибо Господь познается не наукою, а Духом Святым.

Я часто говорю сыновьям и внукам, что в жизни они должны взять на себя обязательство – возведение храма или часовни. И тогда в старости им будет куда приходить и отдыхать от трудов, и молиться в тишине. Когда меня спрашивают, зачем я строю часовни, я отвечаю:

«Чтобы в России было больше золотых куполов». А сам хорошо понимаю, какое значение имеет храм для верующего человека, сам испытываю на себе его благодатное влияние и потому с горячей душой отдаюсь строительству храмов. Вот и строю храмы и часовни, чтобы было людям где помолиться и поучиться молитве. А еще хочу, чтобы в храмы, построенные мною, приходили мои друзья, и не было им числа.

Сын Николай! Чтобы познать Господа, не надо иметь ни богатства, ни учености, но надо быть послушным и воздержанным, иметь смиренный дух и любить ближнего. Сколько бы ты ни учился, все равно невозможно познать Господа, если не будешь жить по Его заповедям, ибо Господь познается не наукою, а Духом Святым. Многие философы и ученые дошли до веры, осознав, что Бог есть, но Бога не познали. Одно дело веровать, что есть Бог, и иное – знать Бога.

Сын Николай! Никогда не расставайся с нательным крестом и не бойся креста. Апостол Андрей сказал игемону, который угрожал его распять, если он будет проповедовать: «Если бы я боялся креста, я бы его не проповедовал».

О, как был бы я рад, если бы сын мой Николай познал Господа. Господи, Ты сам дай ему познать Тебя Духом Святым, как дал Ты апостолам Духа Святого, и они познали Тебя. Как дал сил святому мученику воину Евгению Родионову не отказаться от креста, так и сыну моему Николаю дай познать Тебя Духом Святым.

В один монастырь приехал праведный старец. Он прожил несколько дней в монастыре, а перед отъездом братья подошли к нему с вопросом: «Скажи, отче, не поведал ли тебе Господь, кто из нас спасется?» Старец задумался и ответил: «Могу только сказать про повара: он удостоится царства небесного». Братья удивились, ведь повар жил не по монастырскому уставу и не совершал никаких подвигов. К тому же он был всегда угрюм и мрачен. «Но почему же, отче? – спросили все. – В чем он лучше нас?» На это праведник ответил: «Этот человек сильно обуреваем страстями, если бы не боролся с ними, то стал бы убийцей или разбойником. А он своим поведением не оскорбляет даже монастырского устава».

Вот уже полгода в океане находится несправедное мое тело. Так вырви меня из объятий этой водяной бездны Своей рукой, Всемогущий Господь! Дабы моя жизнь послужила еще праведным делам на земле. Прости мне греховные дела мои. Неужели я обречен на скитания, как преследуемый, как несчастный, как отчаявшийся? Прислушайся, Господи, к молитвенным словам моим, как душа моя скорбит и тоскует по дому моему! Здесь не перед кем исповедо-

ваться и раскаиваться, только Ты, Господь, слышишь стон души моей и звуки рыданий. Ты, Господь, спаситель души и врачеватель невидимых ран моих. Вечная слава Тебе. Аминь!

По своей воле, я сам предал себя на эти испытания. Почему, Господь, Ты не показал мне в детстве извилистые, мрачные и опасные стези моих экспедиций? Я бы, может, ушел от этого порока и не был бы так наказан за свое поведение необузданное, дерзкое, за свое желание быть всегда первым в испытании человеческих возможностей. Я с детства готовил себя к победе и успеху, а сейчас все изменилось. Раньше я собирал вокруг себя друзей, а сейчас хочу, чтобы было побольше врагов и хулителей возле меня. Я взял сейчас в удел себе горечь вместо вкушения сладостей. Я громко кричу и жалобно рыдаю. Если бы я мог увидеть душу мою, то увидел бы ее безобразной, изнемогающей и совершенно бессильной.

Св. Иоанн Златоуст говорит: «Жизнь наша и пути худши есть?»; «Путешествующий, в какую сторону захочет пойти – идет, и в какую не захочет – нейдет; и когда находится в гостинице, знает, когда пришел в нее и когда хочет уйти: вечером пришел, утром уйдет; а если бы захотел, может замедлить или ускорить уход. А мы, хотим или не хотим, должны неотложно отойти от мира сего; и нам неведомо, когда отойдем; и не в нашей воле, чтобы остаться здесь на несколько времени, хотя бы мы и желали сего, но внезапно находит на нас воистину страшное таинство смерти: душа с трудом отходит от тела, разрывая по воле Божией и расторгая суставы и нити, скреплявшие их естественный союз. И что сотворим тогда, если заранее не подумали об том часе, если не приготавливались к нему и предстали неготовыми? Ибо в тот горький час уразумеем, как велик подвиг души, разлучающейся с телом! О, тогда узнаем, в каком подвиге находится душа при разлучении с телом! Когда скорбит, ища помощи, и нет никого, кто бы ей помог: возводит она очи свои к ангелам и молит их, но безуспешно; простирает руки свои к людям, и нет ей помощи ни от кого, – ни от кого, разве от Бога и добрых дел» (Нил Сорский).

Минуты тянутся как часы, на гребной лодке неудобно абсолютно все: мышечная усталость, сырость, тишина, страх перед завтрашним днем. Для гребца лодка – чрезвычайно важное звено во взаимоотношениях между ним и океаном. Первые часы на веслах пролетают незаметно, потом я от усталости засыпаю, не бросая весла, но в какой-то момент неудобное положение тела прерывает сон, пытаюсь набраться решимости и начинаю молиться Богу.

Под проливным дождем я не прекращаю грести во всеобщем потоке и в сполохах молний. Следующие одна за другой молнии на несколько мгновений заливают мертвенным светом весь океан. Я чувствую, что сердце мое вот-вот выскочит из груди от страха и непрерывной гребли веслами.

Оказалось, что и в океане нет покоя. Теперь я знаю, что ошибся: я-то надеялся на возможность почивать на лаврах прошлых заслуг, воображал, будто можно сделать запас из побед и рекордов, но ветер невозможно запереть, даже если его нет.

Я был наивным, когда набирал воду из того или иного океана в бутылки и ставил дома в изголовье моей кровати, надеясь услышать журчание воды из-под штевня яхты, но она молчала и не пахла океаном. Я не знаю, что такое душевный покой. Однако я прошу у Господа возможности созерцать красоту Его и посещать святыне Его.

Господь, дай мне силу и волю наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим. Господи, изнури постом мою душу. Я могу изнури постом только свое тело. О Господь, Вышний Сын Бога великого, окружи меня воинством небесным Твоим и защити Святым крестом Твоим от всех налетающих ветров искушения, ибо хоть и присущи мне прегрешения многообразные, но не богохульство. Господи, подскажи мне, грешному, как пройти вокруг света и не отчаяться в жизни мне, проповедующему Евангелие. Господи, я все прошу и прошу Твоей милости, а сам ничего так и не совершил. Я помню хорошо Твои слова из конца псалма: «...призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49:15). «Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня, и кто наблюдает за путем своим, тому явлю Я спасение Божие» (Пс. 49:23).

Раз Бог так возлюбил мир, то и нам следует подражать этой любви. Когда человек отдает сердце другому, он становится подлинно богатым.

Что могу сказать я, грешный, взамен этих слов? Ведь это произнес боголюбец Давид: «Всем сердцем моим ищу Тебя...» (Пс. 118:10). А разве я могу свою суетность выдать за свершения и причислить себя к праведникам? Я постоянно нарушаю клятвы, каюсь в своих грехах, а сам совершаю и совершаю их. Но, Господь, Ты видишь, что нет коварства на устах моих. «Еще нет слова на языке моем, – Ты, Господи, уже знаешь его совершенно» (Пс. 138:4). «Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный» (Пс. 138:23–24).

Раз Бог так возлюбил мир, то и нам следует подражать этой любви. Когда человек отдает сердце другому, он становится подлинно богатым. И напротив, богач может быть настоящим бедняком, если он являет скудость в подаяниях, как не имеющий богатства! Мне грустно, печалит меня люди. Каждый занят собой и не знает, чего хотеть. Они покупают пушистые ковры, украшают дом, люди набивают коврами свои дома, но ковры им не в радость. Они завидуют соседу, у него не дом – королевский дворец; и они отнимают у соседа дворец и вселяются в него, но того, что искали, не находится и во дворце. Есть должность, которой люди домогаются и пускаются в интриги. И вот она их, но и должность похожа на необжитый дом; для того чтобы дом стал счастливым, мало роскоши, удобства, безделушек, которые люди могут вместить в нем, считая его своим. Да и что значит «своим»? Ничего, коль скоро они однажды умрут. Поэтому я и смотрю на людей в безмолвии моей любви. Поэтому я и ушел в океан, затворился в молчании и наблюдаю издали за людьми, я хочу понять их; но когда вернусь из этого плавания, поймут ли они меня?

Для меня счастье – это простое прикосновение моей жены к моему плечу. Я сам великий грешник, но пишу о милосердии Божиим. Душа не может иметь мира, если не будет молиться за врагов. Счастлив грешник, который обратился к Богу и возлюбил Его. Кто возненавидел грех, тот вошел на первую ступень небесной лестницы. Когда помысел не наводит на грех, это уже вторая ступень. А кто Духом Святым познал совершенную любовь к Богу, тот на третьей ступени, но это редко с кем бывает. Чтобы познать любовь Божию, надо соблюдать все, что заповедовал в Евангелии Господь. Нужно иметь милосердное сердце – любить не только человека, но всякую тварь, жалеть все, что создано Богом.

Думаю, найдется немало людей, которые бы восхищались мною. Я ничего не создал и никаких спортивных рекордов не поставил, но здесь, в океане, я воистину творец, воистину художник. Суть моего творчества в преодолении противоречий. Здесь, в океане, мне открылись новые истины. Я слишком стар, чтобы опять и опять уходить в плавания. За это время я потерял друзей, врагов. Я не вижу, как растет мой сын Николай, сегодня он далеко от меня. Чем он занимается, молится ли Богу?

Сын Николай! Умеешь ли ты молиться? Стремись ли ты в храм именно для молитвы, для беседы с Богом? Ты скажешь мне: «А я не умею молиться! Это трудно! Это не по моей силе!» Да, дорогой мой сын, молиться трудно! Не случайно богомудрые отцы предупреждают: «Молитва – самый трудный подвиг». Но к ней ты должен себя приучить, а приучать себя к молитве надо с детства. Бог в святых почивает и в самом имени их, в самом изображении их, только с верой надо употреблять их имена, и они будут творить чудеса. Твой покровитель – святой Николай Чудотворец. Проси у него, а он будет просить у Бога, чтобы сбылись все твои желания.

Сын Николай, обретая веру в Бога, ты ощутишь и ее могущество. Вот почему я так настаиваю, чтобы ты читал Святое Евангелие в тишине и неспешности.

Я ушел от людей слишком далеко и устал. Я устал от себя, я хочу наконец слиться с Господом. Я не смотрю в зеркало, чтобы не видеть свое собственное отражение. Оно переполняет меня тоской. Я упрямо молюсь и молюсь Господу, чтобы спросить Его о смысле моих путешествий, чтобы понять, куда ведет путь, который так настоятельно Он вменил мне. Мучает меня то, что я теперь одинок. Я слышу лишь собственный голос, он возвращается ко мне леденящим эхом пустого храма. Почему я не слышу голос Бога?

«Однажды, – говорит величайший христианский подвижник и всемирно известный философ Блаженный Августин, – я пожелал узнать, где и в каком месте находится мой Бог. Спросил я землю: где мой Бог?»

На память приходит случай из жития преподобного Антония Великого. Сей знаменитый подвижник подвергся в пустыне весьма продолжительному, открытому и яростному нападению демонических сил. Он испытывал непереносимую боль, был избиваем до полусмерти, претерпел неслыханные искушения, с помощью которых враг надеялся уничтожить его духовно и физически.

Когда после многолетних страданий пустынный узрел Иисуса Христа во славе и получил облегчение, он воскликнул: «Где же Ты был? Почему не явился в самом начале, чтобы освободить меня от мучений?» Иисус ответил: «Антоний, Я был здесь, но хотел увидеть твой подвиг. Поскольку ты проявил терпение и вышел победителем, Я буду всегда твоим защитником и прославлю тебя между людьми».

То же самое говорит Господь и каждому из нас: «Я здесь, брате! И ожидаю увидеть твой подвиг. Если претерпишь до конца – узришь славу Божию. Ибо воля пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 39–40). В молитве познается воля Божия – молиться самый тяжелый труд и самое плодотворное дело.

«Господи, – молю я, – в Твоей воле молчать, но мне так нужен знак от Тебя, тогда я не буду одинок в этом океане». Господи Иисусе Христе, спаси и сохрани меня, грешного. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь!

Ах, Господи! Я стал и океаном, и яхтой. Тржусь, с упрямым терпением ставлю и убираю паруса. Я не вижу ничего, кроме воды, по которой плыву. И вот я иду против течения. Я обрек себя на печальное преодоление то течения, то ветра, словно сторож, которому хочется спать, ибо я – суть океана. Люди думают, что знают океан. Они думают, что его знаю я. На самом деле его не знает никто.

Если я жду в жизни чего-то, то только от того, что заложил собственными руками, я отец своих детей и дед своих внуков, они плоть от моей плоти. Я жду от них добра не только мне, но и всем людям, которые придут к ним. Чтобы в их голове не было только: товар в лавке, жизнь в радости и ожидание лишь вознаграждения.

Сын Николай! Не презирай идущих и ищущих, даже если те спотыкаются! Ни на кого не имей в сердце злобы, никого не презирай.

Прощай твоим врагам и не делай того другим, чего не хочешь, чтобы тебе делали, или делай другим то, что ты хочешь, чтобы тебе делали, – вот слова, мораль, которые поймет каждый народ, всякая личность. Одними этими словами можно победить и покорить все.

Я заметил, когда я прихожу в гости к одним, я прячу свои руки и опускаю глаза, стыдясь, что под ногтями моих пальцев осталась засохшая краска (ведь по ночам я пишу картины). А в гостях у других моих знакомых просят, чтобы я показал ладони с мозолями. Одних я стесняюсь, перед другими я горжусь. И я понял, как нелепы мои попытки стесняться одних и восхитить других. Я понял, что был неправ, пытаюсь спрятать руки в краске.

Мне нет дела, что одни мне льстят и восторгаются, а другие ненавидят. В каждом человеке я вижу нового прихожанина в моем выстроенном храме для Господа Бога. Что до меня, то я совершенно другого склада. Когда я возвращаюсь из плавания, я вижу светящиеся глаза любимой жены, она улыбается, а когда я в плавании, она молится. Она умеет ждать. Я думаю о ней, и она думает обо мне.

Благородство души исходит из уклада, я нарушил присущую мне последовательность. Одинокое меняет не только характер, душу, но и черты лица. Для листа, летящего по воле ветра, нет ветра; для свободно падающего камня нет веса.

Чем больше человек потребляет чужого, тем больше обирает других, тем скуднее его душа, тем больше я жалею его, потому что люди в безумии и злобе отворачиваются от небесного благого закона и срываются в адскую пропасть, и необходимо их остановить, отрезвить и спасти.

Мои думы запутались, как леска на удочке у рыбака, и все в голове у меня перемешалось.

История учит, что истинно серьезные художники никогда не щеголяли серьезностью. По словам Паскаля, «человек – думающий тростник». Думает тростник или нет, сказать определенно я не могу, но то, что тростник не смеется, как человек, несомненно. Я не могу не думать об этом, когда уже семь месяцев нахожусь в океане. Я просто существую сам по себе. Пожалуй, факт этот страшен, но, хочу я этого или нет, он, несомненно, существует. Я как «Летучий голландец», во мне многовековая история о блуждающем паруснике. Вот почему мне близки слова Флобера: «Человек – ничто, работа – все».

Ежедневно, не зная отдыха, я ставлю и убираю паруса, и так все эти семь месяцев. И в эту ночь ветер не прекращался, к утру я почувствовал, что устал больше, чем обычно. Когда вышел на палубу, уже светало. Как ни странно, альбатросы уже летали на фоне розовеющего неба. Стоя в кокпите, я все время испытывал искушение что-нибудь громко крикнуть, но, естественно, подавил его. Мне почудилось, что ядвигаюсь лишь мысленно к мысу Горн, а яхта стоит на месте.

Я уже проходил не раз мыс Горн, я один из немногих, кто воочию видел, с чем придется встретиться 85-футовой яхте «Алые паруса»... Я живо помню рев шторма и сокрушительную силу валов, буйствовавших, когда я вел вокруг мыса Горн яхту «СГУ» с полным парусным вооружением. Зачем опять я иду этим путем? Это заставило меня задуматься, но я не могу уже повернуть обратно. Я знаю, что, прежде чем добраться до мыса Горн, мне предстоит пройти 6000 миль через «ревушие сороковые» и «неистовые пятидесятые» – широты, не защищенные от дыхания Антарктиды. Риск слишком велик. Работы на яхте достаточно, настоящей мужской работы.

Земля и небо бессмертны:
ничего не ищут для себя.
Поэтому нет приближенья к концу.
Мудрый держится в тени,
оттого светел.
Для себя жаждет одного:
не иметь желаний
ТАКАЯ ЖАЖДА утоляется
вечностью.

Я устал от одиночества, я слишком долго живу без людей. Я слишком стар, чтобы опять и опять ставить и убирать паруса. Я устал сдерживать свое сердце. Я ушел от друзей, родных, врагов, а к кому вернусь? Я вернусь к моему сыну Николаю, обниму его, и вместе мы станем молиться Господу Богу. Подойдет Иринushка и тронет нас за плечи, позовет обедать. Вот в этом я вижу единство любви. Я выглянул из двери штурманской рубки. Шел такой сильный дождь, что мир вокруг будто исчез. Только приборы показывают, что яхта продолжает идти на восток. Один из великих парадоксов состояния путешественника: если уезжаешь, то жалеешь, что не остался; если остаешься, жалеешь, что не уехал.

Люди, не упрекайте меня за неупорядоченность и отсутствие дисциплины, я признаю одну дисциплину – дисциплину сердца, жаждущего узреть Господа Бога. Когда вы войдете в

мою часовню на улице Садовническая в Москве, вас покорит ее цельность и величие тишины. Благодаря часовне и преданной молитве я отыскал собственный путь. Ни картины, ни книги, которые я написал, настолько не приблизили меня к истине, как строительство часовни и одиночные плавания.

Надо упрощать вещи, жить аскетичнее и выигрывать время, чтобы вместо этого его терять. Стремитесь накопить и совершенствуйте жизнь духовную. Дни и ночи посвящайте усовершенствованию души.

В наше время надо проще украшать храмы, и от этого больше будет пользы. К примеру, орнамент на иконостасе насколько возможно изготавливайте скромно, просто монашеский! А там, где монашество, там простота и скромность. Преподобный Пахомий искривил колонну в храме, чтобы люди не восхищались делом его рук.

В своем монастыре преподобный со многим старанием построил храм с кирпичными колоннами. Видя, каким красивым получился храм, преподобный радовался, но потом подумал, что радоваться прекрасному творению собственных рук – это не по Богу. Тогда он обвязал колонны веревками и, помолившись, велел братии навалиться и тянуть, чтобы колонны искривились.

Надо упрощать вещи, жить аскетичнее и выигрывать время, чтобы вместо этого его терять. Стремитесь накопить и совершенствуйте жизнь духовную. Дни и ночи посвящайте усовершенствованию души. Иисус говорит: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). «Для того чтобы дать другому воды, надо, чтобы он жаждал» (Паисий Святогорец).

Познание истины и приобщение к ней служит предпосылкой нашего спасения, но чтобы познать истину, мы должны освободиться от тех «истин», которые мы навывдумывали и о самих себе, и об окружающем мире и которые, как кора, скрывают суть вещей. Чтобы узнать правду о самих себе, нам нужно изолироваться ото всех вещей вокруг нас, с которыми мы себя легко отождествляем. Ибо очень часто нашим «я» становится машина, которой мы обладаем или о которой мечтаем; мебель, которой обставляем свой дом; одежда, которую на себе носим. Мы приходим в такое жалкое состояние, что становимся тождественны вещам, окружающим нас и определяющим нашу индивидуальность и наше счастье. Отсюда становится понятной необходимость аскезы, которая является важнейшей составляющей православного, евангельского вероучения и жития. Это касается не только нас, священников, но и всякого человека, желающего узнать правду о себе, о Боге и о мире. Потому что именно аскеза освобождает нас от тех элементов (материальных и духовных), которые окружают нас некоей изгородью, а над нашей головой закрывают небо. Но кто-то из моих друзей может обмануться, простодушно поверить, будто радуют сами по себе деньги, машина, золотые украшения и дорогостоящая яхта. Мне хочется все расставить по местам. Те, у кого нет Бога в сердце, заполняют его материальным миром. Они собирают богатство и тут же сердятся на ими же собранные вещи. «Может ли быть, чтобы, разбогатев, я не стал богаче?!» – негодуют они, подсчитывают, сколько еще нужно накопить, потому что богатства явно недостает.

Как-то раз ко мне приходил один человек, он мог управлять яхтой и, как он думал, может управлять и деньгами, которые он накопил, ведя свой рискованный бизнес. Я увидел тоску в его глазах и сказал: «Друг мой! Брось все и купи спортивную яхту, на которой мы отправимся в кругосветное плавание для побития мирового рекорда «Кубка Жюль Верна». А когда вернемся, ты по-другому посмотришь на свою жизнь и на то, чем ты так дорожишь». Но он сказал: «Мне надо еще увеличить свой денежный капитал». Я не смог его убедить и заинтересовать кругосветным плаванием. Вскоре его осудили и дали тюремный срок. Он выбрал смотреть на

мир через решетку, а не с палубы своей яхты, огибая мыс Горн! И вот сейчас я за него молюсь, не как за плавающего и путешествующего, а с грустью – за страждущего и сидящего в темнице.

В попытках найти себя вы обречены находить пустоту. Не на что надеяться, если любишь лишь самого себя, но я уже говорил тебе, **сын мой Николай**, справедливый не делит сокровища, потому что их у него нет!

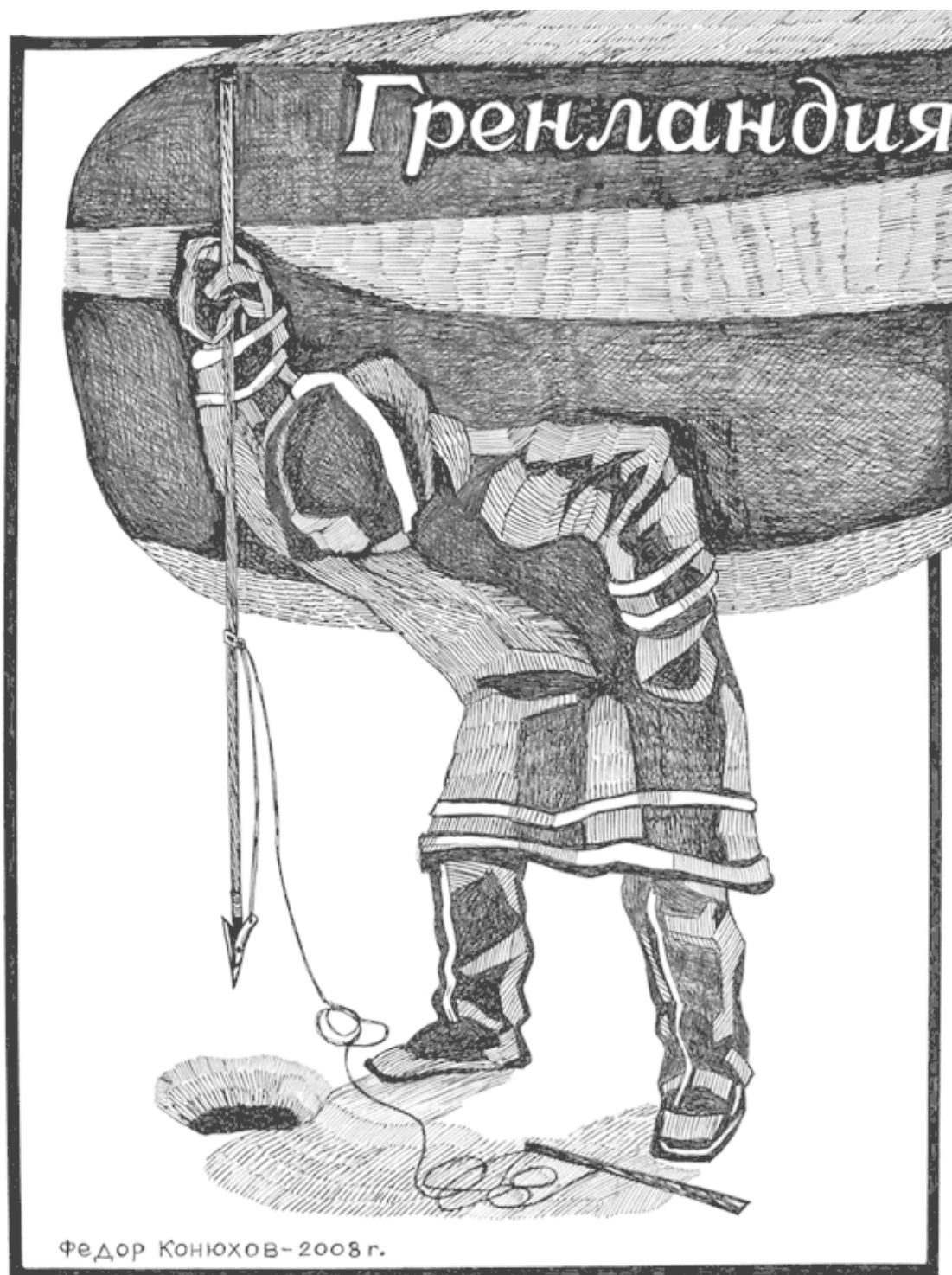
Люди не верят словам моим? Приходит время великих несправедливостей, когда от человека под страхом смерти требуют быть «за» или «против». Благодетельствовать тому, чем ты сможешь воспользоваться, это неправильно и не по Православной вере.

Я расскажу тебе, **сын мой Николай**, как пришел к вечеру в наш дом странник. Он вошел в комнату, поставил палку в угол и улыбнулся. Твоя мама окружила его заботой, а я спросил: «Откуда путь держишь?» Он ничего не говорил, но я по его могущественной улыбке понял, что к нам вошел друг. Через некоторое время он ушел, угол в комнате опустел, но в нашем доме осталась его светлая улыбка, и нам не жалко того времени, которое мы ему уделили, и стакана молока с хлебом, который ему дали. Он нам больше оставил: свою улыбку в наших сердцах.

*Благодетельствовать тому, чем ты сможешь воспользоваться,
это неправильно и не по Православной вере.*

Изменяется все вокруг в океане, и я изменяюсь, и моя лодка тоже чувствует это, ибо все зависит от Господа Бога, ибо кому известен предел его могущества? В океане не чувствуешь, в чем смысл времени, время для меня враг. Я плыву, плыву и плыву. Я ничего не оплакиваю. Я само бдение посреди открытого океана. Но те, кто не принимает время в расчет, вечно сражаются с ним. Оно – путь к Господу, и поставить предел этому пути невозможно. Я опускаю весла в воду, словно бы умиротворяя волнение океана. Миля за милей движется моя лодка, но не в монотонности гребли веслами моя суть.

Там, на берегу, люди говорят, что я такой или эдакий, у меня нет ничего; но они никогда не скажут, что я моряк, плыву по океану, обручился с морем. Я отец, я родил детей, и у меня есть внуки, жена моя не бесплодна. Я русский, служу России, мои весла и мили приумножают славу России. Я где-то прочитал, не помню у какого автора: «Жизнь людей была бы немного проще, если бы они вовсе не покидали собственный дом». Да, слова хорошие, и совет тоже неплохой, но я не из тех, кто может просидеть всю жизнь в одном месте, делая одно и то же день за днем. Уходя из жизни, эти люди сетуют: «Такая уж была у меня судьба!» Это не для меня. Я хочу, чтобы моя жизнь была приключением, пусть не всегда веселым, неважно.

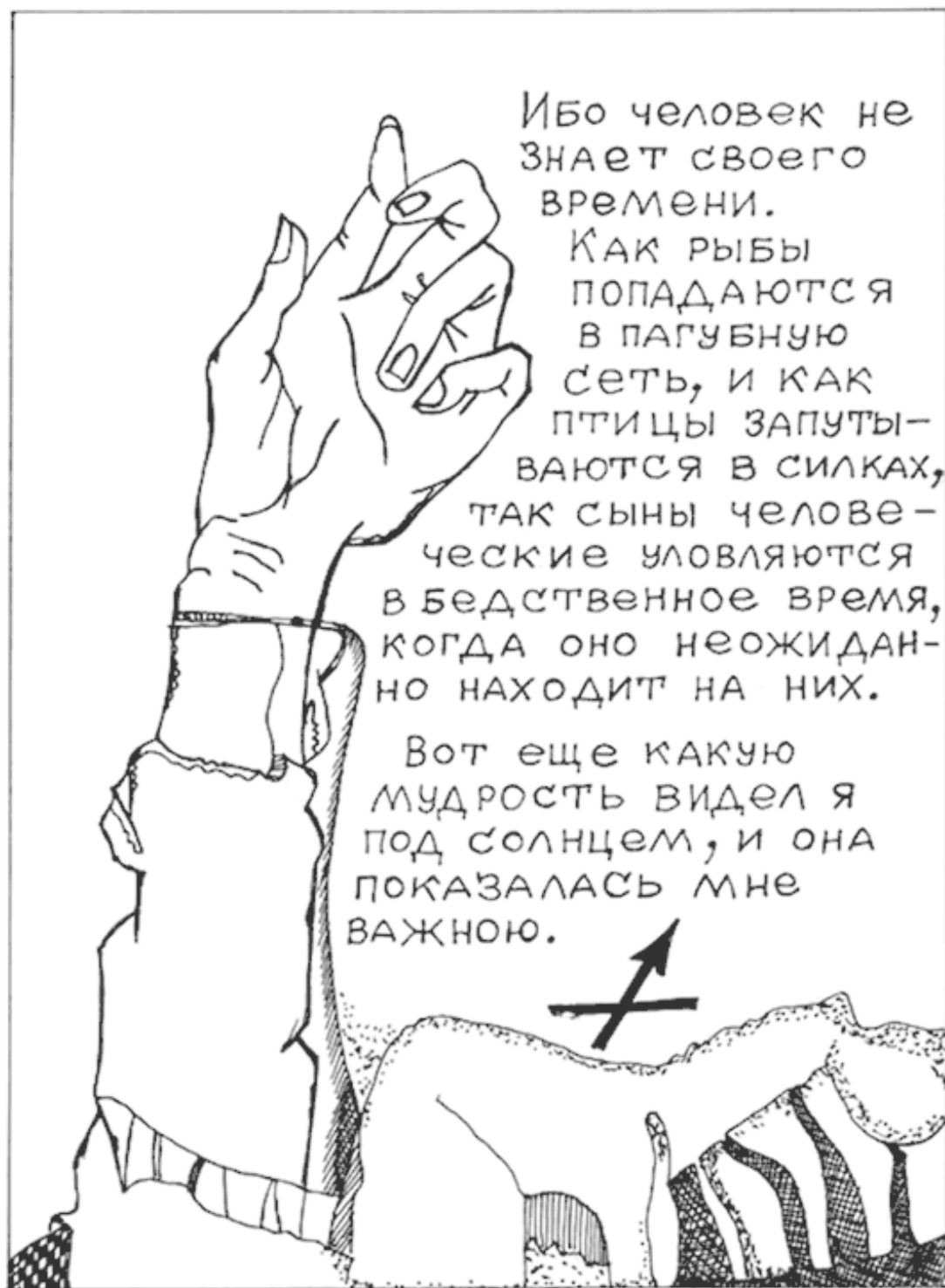

Однажды молодой Карл Маркс объяснял, почему человек является существом универсальным: только он может жить в рамках любого вида. Проще говоря, человек может вжиться в шкуру медведя, кошки или собаки, может представить себя насекомым; тем более универсальна человеческая особь, чем богаче ее жизненный опыт и воображение. Если ты пошел по стопам путешественника, то надо знать одно: не ты выбираешь экспедиции, а экспедиции – тебя. Вот мне приходится то пересекать Гренландию на собачьих упряжках, то подниматься на Эверест, то идти на лыжах к Северному или Южному полюсу, а вот сейчас – вести яхту к мысу Горн.

Океан вокруг покрыт гибельным туманом, моя яхта, как на ощупь, идет во тьме. По справедливости, я обречен все плавание жить при такой погоде, но я сам выбрал этот путь. Туманы в этих широтах, как мои грехи, несправедливые, скользкие и мерзкие. Сколько тысяч миль я прошел, но отряхнуть прах грехов моих не смог. Я уже получил здесь все, что заслужил. Стал самоуверен, возомнил, что сам смогу пройти этот путь, но не получается, без Господа этот океан не преодолеть. Моя самоуверенность уготовила мне гибель; словно запачканная одежда, стал я нечист. В штурманской рубке я окружил себя иконами святых, и наполнил молитвой яхту, и отказался от прежних своих привычек, о чем здесь не место писать, и к Тебе, Господи, не спиной, а лицом повернулся. Помню, что сила моя немощна, поэтому припадаю к Тебе, Господи, подкрепи же меня, изнемогающего и падающего. Аминь!

Снова увидел айсберг по носу яхты: очень большой, стоит, как небоскреб. До него миль десять. Плохо, что уже солнце садится, и через час будет темно, а у меня скорость 5 узлов. Это значит, что часа два до него идти, в темноте придется проходить мимо. Я все время буду повторять: «Грешен, Господи, грешен, о своих грехах я свидетельствую сам...»

Я нуждаюсь в доброте, я хочу узреть Бога, но я помышляю всегда о делах земных, и Ангел не приходит ко мне. Сын Всевышнего, Господь Иисус Христос, смилуйся, сжался, возлюби меня. Посмотри на меня, брось взгляд на яхту мою – мы затерялись в этом океане. Я и моя яхта бессильны против айсбергов. Узри смятение и отчаяние мое. Услышь немые стоны мои и жалостный плач мой. Я надеюсь только на Бога, на себя – нет, и потому умоляю Тебя: «Милосердно взгляни на меня, Господь Иисус Христос. Ты же, Господь, защита и спасение мое вечное».

Господи, не лиши меня вовсе надежды на спасение. Я с трудом преодолеваю трудности и страдания, плыву по водам нехоженным. Я удивляюсь, прихожу в отчаяние, недоуменный, ошеломленный. Если и дальше будет столько айсбергов, что со мной и моей яхтой произойдет? Стыжусь сказать, но мне кажется, что айсберги посланы преисподней. Здесь нет жаркого северного, с экватора, ветра, да и солнца, чтобы растопить твердый лед айсбергов. Никто не может мне помочь предотвратить встречу с айсбергом. Вся надежда на Тебя, Господи Иисусе Христе.

Я немощен, когда надо творить добро; я бессилен, когда надо делать полезное и нужное. Горе мне, грешному! Как выбраться из этого района? Ибо многочисленны айсберги из Антарктиды, и не счесть, сколько еще их будет на моем пути. Ужасно и страшно, здесь мрак и непроницаемый туман. Яхта полна отчаяния. Моими мыслями овладевают айсберги и лед, от коих нет избавления.

Все здесь так, как говорил пророк: дождь, туман, холод, шторм, нет солнца, нет звезд, нет луны, нет неба голубого. Прошло лето в этих широтах, наступила осень, а ничего не меняется, все одинаково. Здесь нет понятия – грянула зима, наступило лето. Здесь есть одно – мыс Горн, этим все сказано!

День прошел, утешение исчезло. Подошла ночь, беспощадный холод долгого пути. Над горизонтом виднелся густой шкваловый воротник, с юга потянул слабый, но постепенно усиливавшийся ветер...

Для живого быть полумертвым немногим лучше, чем быть мертвым. Я только имею надежду на милость Твою, Господи. Убереги меня от страдания и айсбергов и доведи до берега земного к людям, как некогда во времена Моисея Ты повел евреев в тихий покой Земли обетованной. Приведи и меня, очисти от моих грехов. Моя душа совершенно измучена сомнениями. Я рядом с айсбергом подобен овце, обреченной на закалывание. Как говорится в притче? «И я, заблудший, бродил в безлюдных горах». Так же и я один в бескрайнем океане, а айсберги – злые волки.

Не хватает слов, чтобы рассказать о страхе и бедах моих. Я, как неразумное животное, обречен на скитания. Сколько мне еще блуждать в безлюдных местах? Сколько мучиться моей душе израненной? Только ты, Господи, можешь спасти меня и исцелить. Пусть, как во времена Ноя, повеет сладостный Твой ветер и уничтожит губящие людей айсберги. Ты, Господь Всесильный и Всемогущий, укажи мне способ, как пройти к мысу Горн, минуя айсберги, и прости мою непокорность в этом бескрайнем пространстве. Вспомни меня, Господи, заслони меня, грешного, от тревожащих меня дурных ветров. Слава Тебе во веки веков. Аминь!

Я задумался, на лбу появились складки. Мне в жизни много приходилось переносить... К словам моим прислушивайтесь, так как в них только правда, я не могу не сказать правды... Да, сильнее правды ничего нет. Я ничего не боюсь, так как мне ничего не надо, мне нечего бояться. Ни в какую политику я не вмешиваюсь, ничего не понимаю, ведь я простой человек, я не сержусь ни на кого. «Неправда поможет открыть правду!» Я лишь высказываю свое мнение, а соглашаться с ним или спорить – дело читателей.

С правого борта плывет айсберг. Он не чисто белый, а загадочно мутный. В такой момент ты ничего не можешь сделать, а просто стоишь и смотришь на него широко раскрытыми глазами. Может быть, этот айсберг отделился от Антарктиды, как взрослый сын от матери, и стал жить самостоятельно, все дальше и дальше удаляясь. Может, по его льду когда-то ходил Роберт Скотт, или Амундсен, или другие великие люди, которые открывали ледовый континент.

Ночь, идет дождь, со всех сторон окружен тьмой беспросветной. Предел видимости сузился донельзя. Неужели Господь явил на меня гнев? И в мыслях моих приговор для меня за мои грехи земные.

Талант художника даровал мне Господь, а я его расточил в блужданиях по океанам, и драгоценный свой дар я утопил в океанской пучине, как нечто презренное. И мои надменно сложенные руки по справедливости стали деревянными, как весла на лодке; они потеряли способность создавать картины, а я бываю безрассуден.

В одном монастыре был послушник, который обладал изумительным голосом. Однажды в обитель приехал профессор консерватории и стал уговаривать послушника уехать с ним. В конце концов уговорил, послушник оставил монастырь, поступил в консерваторию. Прошло несколько лет, у ворот монастыря появился грязный калека. Это был певчий. Что с ним произошло? В городе он полюбил веселье, связался с плохой компанией, заразился дурной болезнью. В монастырь вернулся покаяться и спокойно умереть. Расточая Божие дары, не завоюешь земной славы, а если и приобретешь ее, то блеск очень скоро угаснет.

Тщеславие мешает мне сойти с накатанной дороги путешественника. Что я заслужил, с какой мольбой предстану перед Тобой, Господи? Буду просить Царствия Небесного, но под тяжестью грехов я согнулся и не увижу благолепия славы Твоей, Господь. Иисус Христос, Сын Бога живого, Создатель Неба и Земли, помилуй меня, многогрешного.

Ночь была бурной и такой темной, какую можно наблюдать только в океане. Несмотря на кромешную тьму, белые гребни волн выступали из мрака, как гигантские чудовища, нападающие на яхту, и при чудовищной качке каждое движение давалось с трудом. «Господи, – молил я. – Дай мне силу любить! Помоги стать пастухом, чтобы смочь пасти белых барашков волн Твоего океана».

Кто в некоторой мере не живет для других, тот совершенно не живет для себя.

Нет предела, за которым иссякла бы мощь моего духовного состояния. Как остановиться в гребле веслами, если каждый взмах твой приближает к земле? Я всегда говорю сам себе, когда мне кажется, что я устал: «Ты творишь обряд». Гребок за гребком и еще гребок меня приближают к любимой женщине и матери моих детей; так и должно к возлюбленной идти по камням, продираясь сквозь колючки, и тогда тебя будут встречать из такого плавания как чудо – ты похож на воскресшего из мертвых. Только с такими мыслями можно преодолеть океан, так возникает любовь.

При каждом движении вспоминаю я Бога. После каждой пройденной мили на восток простираю руки к небу и благодарю Господа: «Господи Иисусе Христе, протяни ко мне возлюбленную десницу Твою. Укрепи меня, даровав милосердие Твое. Развей вместе с этим ветром океанским мои грехи. Присовокупляю прегрешения всех людей к своим. Я – пастух и презренный наемник, пасущий стадо убегающих и догоняющих штормовых волн с их большими греб-

нями; пастырь я, присматривающий за стадом вечернего бриза. Здесь, в океане вселенском, я заблудился в вечности. Сам себя смертельно караю и порицаю. Чьею рукой, по чьему повелению и ради чего я направлен сюда, от Бога это плавание или?..»

Сын Николай! Кто в некоторой мере не живет для других, тот совершенно не живет для себя. Знай, что кто друг тебе, тот друг и всем. Я все думаю, как истолковать сказанное в притче: «Сердце мудрых в доме плача, а сердце глупых в доме веселья». Кому не случается сказать глупость? Беда, когда ее высказывают обдуманно. Мой отец твердил: «Умей, сын, найти радость в рутинной работе и в вечном созерцании звезд. Это вся наука для моряка». В этой бесконечности лежит стимул вечной работы. Действие окружает Великий океан. Он указывает на очевидность и действительность. Океан не человек, он всегда предупреждает, а в человеке заключено злобное намерение ударить в спину без предупреждения – это неправильно. Я мыслю о том, чтобы человек был похож на океан. Я хочу, чтобы в этом плавании я обжил океан и сам себя, но что мне обживать?

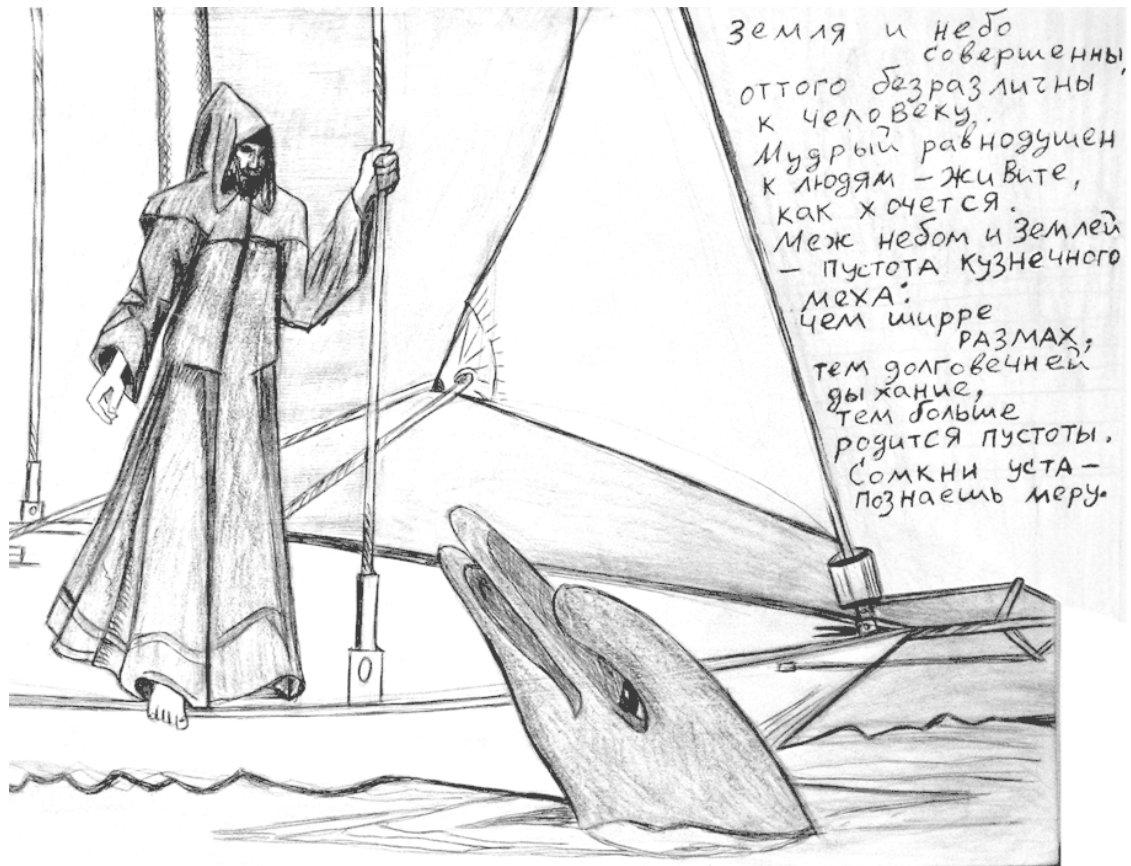
Я обжил свою лодку. Я один в холодном океане. Сгорбленное мое тело, затерянное в ночном океане. Со скорбью смотрю: «Вот Орион, вот Южный Крест, вот дорога Млечного Пути». Я запомнил свои звезды. Мы понимаем друг друга, но я скучаю по Полярной звезде и Большой Медведице, а внутри у меня словно бы повернулась стрелка компаса, и я сразу ощутил теплое Азовское море, к которому ведут звезды, где я в детстве со своим отцом уходил в море на сейнере «Минусинец». Мой отец Филипп пятьдесят лет ловил рыбу, и каждый выход в море был осмысленным. Он научил меня читать звездную карту, ловить ветер, узнавать погоду по красному небу и заставил меня ценить жизнь, не делать главным в себе желудок. Он повторял: «Твоя пища должна питать не только тело, но и душу». Я любил своего отца, и мне нравится, когда мои чувства, будто намагниченная стрелка компаса, тянутся к дому, где я родился. Там хлеб был дружеским, а молоко дышало теплом маминых рук. Я скучаю по запаху ячменной муки.

Больше всего я повествую в этой книге о том любопытном и удивительном, чем богат мой внутренний мир, и об океане, в котором провел большую часть своей жизни. Говорю я здесь и о свободной моей философии, как хочу, и пусть люди осуждают меня: «Это обмануло наши ожидания. Уж слишком скучно...» Так скажут яхтсмены и молодые путешественники, которые ждут от моего повествования больше приключений и романтики. Ведь я пишу о том, что безотчетно приходит мне в голову. Разве могут мои небрежные наброски выдержать сравнение с настоящими книгами, написанными по всем правилам искусства? Да, собственно говоря, я вас ничем не удивил? Многие любят хвалить то, что другие находят плохим, и, наоборот, умаляют то, чем обычно восхищаются...

*Отчего в природе человека, венца творения, столько беспорядков?
Отчего в жизни его столько неустойчив и безобразий? Оттого, что он
сам вздумал распоряжаться собою, помимо воли и разума Творца своего.*

Была ясная лунная ночь в десятых числах первого осеннего месяца Южного полушария. Дельфины подошли с правого борта, резвились и выпрыгивали впереди форштевня, но я, прислонившись к мачте, оставался безмолвным. Мне стало грустно. Я лишь созерцал сокровенное сердце полной луны. Как ощутимо одиночество, когда океану нечем занять меня! Что со мной? Дельфины меня больше не радуют, спит океан, отдыхает ветер, стареет луна. Тупое ожидание ветра мне в тягость, тоскливо и скучно, я грустно застыл у мачты. Печалит меня утраченное время, снедает тоска от того, что яхта стоит на месте. Я как будто попал на каторгу; там, на каторге, долбят землю только для того, чтобы долбить. Так и у меня: ставлю и убираю паруса, ищу ветер, а его нет и нет. От долбежки в людях ничего не меняется, так и у меня – ни одной мили не прошел за сегодняшний день. От тяжелой работы на лбу тот же пот, что и у каторжанина, но все изменится, если паруса поймут ветер. Ветер придаст смысл моей тяжелой работе,

и мне откроется доступ к смыслу жизни, который состоит в том, чтобы подниматься со ступени на ступень все ближе к Господней славе.

Сын Николай! Отчего вся природа и все в природе устроено мудро? Оттого, что Творец ею распоряжается и управляет. Отчего в природе человека, венца творения, столько беспорядков? Отчего в жизни его столько неустойств и безобразий? Оттого, что он сам вздумал распоряжаться собою, помимо воли и разума Творца своего. Вся твоя жизнь будет вращаться в мудром, прекрасном, величественном и животворном порядке, и вся она будет прекрасна, как у святых, божьих людей, которые передали себя всецело Христу и которых Церковь предлагает нам ежедневно в пример для подражания.

Сын Николай! Подражай только святым угодникам, и твой жизненный путь будет прямым.

Я перекапываю океан веслами ради пройденных миль. Гребу ради праздника, который будет в конце пути, кажусь счастливым и богатым только знанием о Божественном узле, что связует воедино меня с Вселенной. Я жду, чтобы пришло ко мне что-то с неба, чтобы явился Ангел-Хранитель и оказал помощь и оживил мое сердце.

Что мне делать, я не видел Господа! Я оглядываюсь вокруг на качающийся океан и охвачен смятением, словно в преддверии истины, она еще не открылась мне, но, чтобы она была, я должен ее постичь. Одиночество всегда молчаливо: сегодня я мрачен, молчалив, почти зол.

Чем больше я путешествую по другим странам, тем больше люблю свою Россию. Как поразить невидимое? Как победить то, что есть и чего нет? Чтобы испытать последнюю надежду, подымаю полный грот до верха мачты и наблюдаю, есть ли поток воздуха в верхних слоях или там та же самая тишина, но тяжелый парус опускается всею своею тяжестью на гик и напоминает гробовой саван, покрывающий труп.

Вчера океан волновался, пенился, был утомлен, но заметно было, что это не раздающаяся ярость, напротив, даже не наблюдая долго, можно заметить, что гнев его был истощен, что рев его был глух. Ветер и гроза прошли уже, между тем еще раздавалось эхо бури, или лучше это было бешенство без угроз, лихорадка умирающего, слова прощения. Сегодня же наступила тишина, глубокая тишина, как в пустыне, безмолвная, как в могиле, нет волн, нет волнения в воздухе и облаков на небе. Только там, на горизонте, висят черные фантастические массы, удерживаемые невидимой и могущественной рукою и готовые снова остановиться над усыпленным океаном. Вот еще одна сложность, над которой стоит задуматься: когда я составил, от меня ушли одно противоречие за другим, и у меня все меньше вопросов. Господи, отвори свои ворота, позволь мне войти туда, где не понадобятся ответы. Господи, помилуй меня, грешного!

Вся ночь была напряженной: налетали дождевые шквальные тучи, пришлось убрать солинг и поставить стаксель. И сейчас, на рассвете, яхту обложили шквальные тучи.

Сын Николай! Не унывай и не приходи в отчаяние, когда чувствуешь в душе своей убийственное дыхание и брожение злобы и лукавства, нетерпения и обмана или расслабление от нечистых и скверных помышлений. Борись с ними неослабно и терпи мужественно, все-сердечно призывай Господа Иисуса, Победителя ада. И Господь, видя твоё смирение и твою борьбу, поможет тебе. Призывай в помощь и скорую заступницу, Пресвятую Деву Богородицу, говори: «Исцели, Пречистая, моя многонедужные струпы, яже в души, прожени враги, иже присно борются со мною» (канон Ангелу-Хранителю, песнь 3, и ныне).

Что я дам Господу после моей смерти? Я хочу дожить до глубокой старости. Хочу истратить жизнь и себя на труды. Я уйду в землю, а на ней оставлю плоды моего труда. Я построил храмы и часовни. Ты, **сыннок**, должен их беречь и служить в них Господу Богу.

От молитвы я могу заплакать, но от прогресса человеческого не выжалось ни у кого ни одной слезинки. Деньги считаются корнем всех земных зол, и мы твердо верим, что богатому человеку никаким способом не удастся проникнуть на небо, но богатые люди жизнерадостно мирятся с вечной погибелью!

Всякий раз, как я замечаю угрюмые складки в углах своего рта; всякий раз, как в душе моей воцаряется промозглый, дождливый ноябрь; всякий раз, как я ловлю себя на том, что начинаю останавливаться перед вывесками «Ритуальные услуги» и пристраиваться в хвосте каждой встречной похоронной процессии, тогда я принимаю решение, что мне пора отправляться в плавание, и как можно скорее.

Я узнал, что рисковать своей жизнью и соглашаться на смерть не одно и то же. Подымаясь на Эверест, ты ставишь на кон собственное мужество – единственное, чем ты располагаешь и чем рискуешь на склоне горы. После успешного восхождения ты греешься в лучах своей победы, но всего несколько часов, а затем плечи твои отягощает слава. Да, короткое время, ибо жить победой невозможно.

Смертельный риск при восхождении на вершину Эвереста (8848 метров) – подарок, который ты даришь только себе. Тебе нравится дышать полной грудью на вершине горы, там, где нет кислорода. Согласившись рисковать собой, ты непременно расскажешь, как это было, и продолжишь жить дальше.

Поверьте мне, что мы рабы не столько своих страстей, сколько привычек. Привычка – наш неразлучный друг и наш самый постоянный враг. Привычка – второе существование, которое мы получаем, как и первое, не имея возможности противиться. Чтобы хорошенько понять истины, которые я излагаю здесь среди тысячи других, толпящихся в моей голове, надо, чтобы вы путешествовали. Конечно, мы стремимся к Господу, но из того, кем ты можешь стать, совсем не следует, что сейчас ты уже таков.

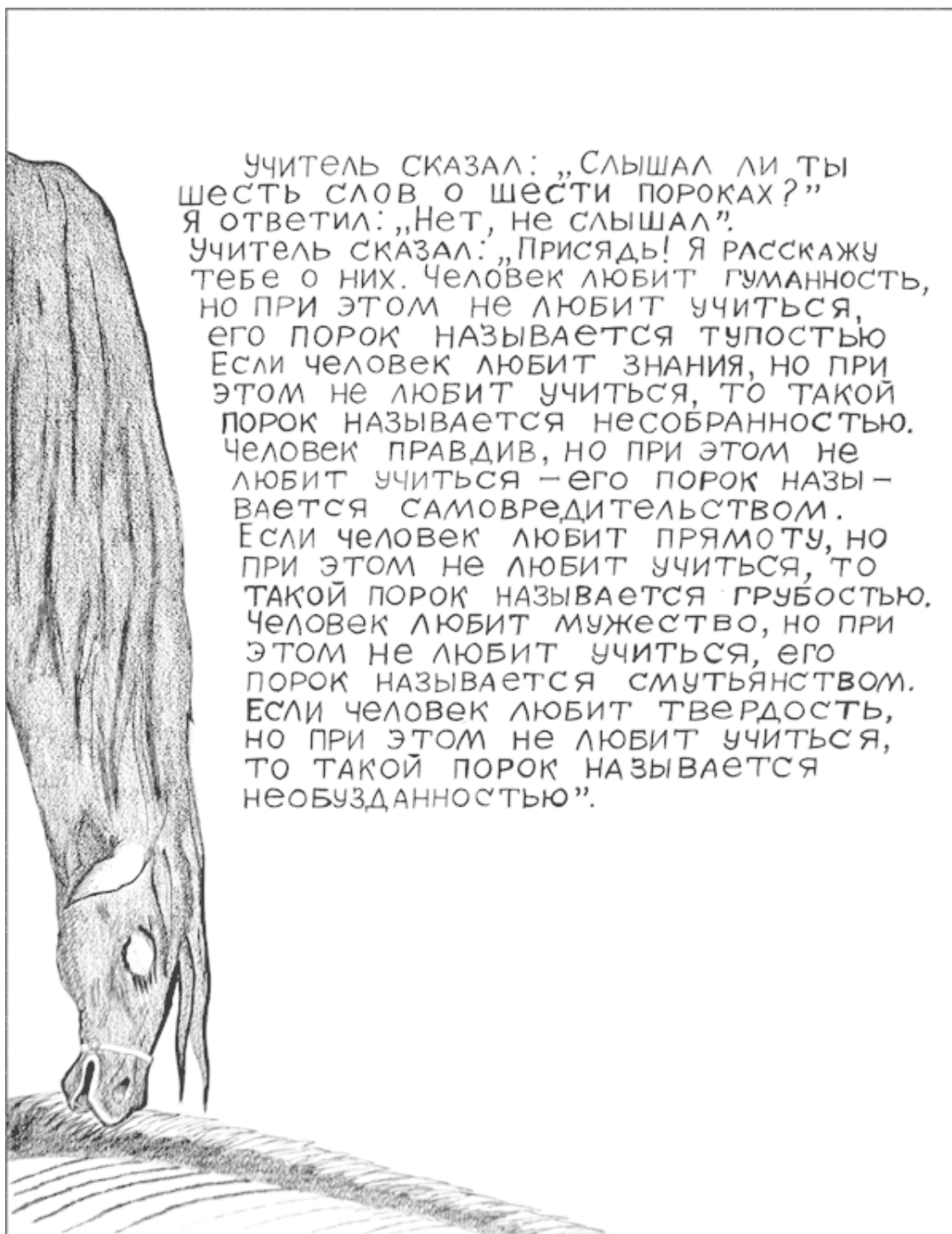
Путешествуют не затем, чтобы пробежать весь мир. Посещая ежедневно новые страны, тело может быть неподвижно, в то время как голова обнимает всю Вселенную.

В своей «Школе путешествий» в городе Тотьма я говорю ученикам: «Путешествуют не затем, чтобы пробежать весь мир. Посещая ежедневно новые страны, тело может быть неподвижно, в то время как голова обнимает всю Вселенную. Один отыскивает пружины строения человека, другой – его органы, третий роется в истории и строит новый мир на прежнем мире, поглощенном столетиями. Один изучает философию народов, чтобы составить разумный закон; другой, еще смелее, старается найти тайны Божества среди огненных миров, цвет, ход и величина которых не составляют уже для него тайн. Такие люди тоже путешествуют, и путь их длинен и труден, уверяю вас, что эти простые вопросы очень важны.

«Слово Божие, оно никогда не может находиться в противоречии с истинной наукой», – так говорил отец русской науки Михаил Ломоносов.

Живописец может судить о картине, архитектор может судить о здании, сапожник об обуви, путешественник о путешествии. Никто не должен быть судьей в своем собственном деле. Уже в десять лет от роду я научился от своего отца и его команды с сейнера «Минусинец» закреплять фалы и был способен завязать пятнадцать или двадцать самых простых морских узлов с закрытыми глазами. Мог ослабить снасти по свистку или стоять у штурвала и держать курс прямо на юг. Итак, самым лучшим наследством сына бывают заслуги его отца. Уважение между отцом и сыном должно быть обоюдным. Одно море сродни одному экипажу, другое – другому, это истина, о которой говорил мой отец. Он был хорошим моряком на Азовском и Черном морях.

Сейчас ночь. На юго-востоке висит на небе Южное сияние. Небо звездное, но с юго-запада над горизонтом поднимаются черные тучи, они постепенно закрывают звезды. Тучи движутся в мою сторону. Я наблюдаю, как звезды пропадают за тучами. Скоро буду убирать парус солент и ставить стаксель. Ветер постоянно заходит на запад. Вдруг ветер умолк, и океан смолк тоже, как будто бы Божия рука опустилась в воду. Барометр еще молчит. Что же такое происходит с океаном? В эту минуту все было печально и торжественно в природе, что делало эту сцену мрачной. Океан: то мрачный, как пропасть, то блестящий, как пожар от света Луны, – он уже не был врагом, с которым приходилось сражаться, это был хозяин или властелин, перед которым следовало преклонить голову.

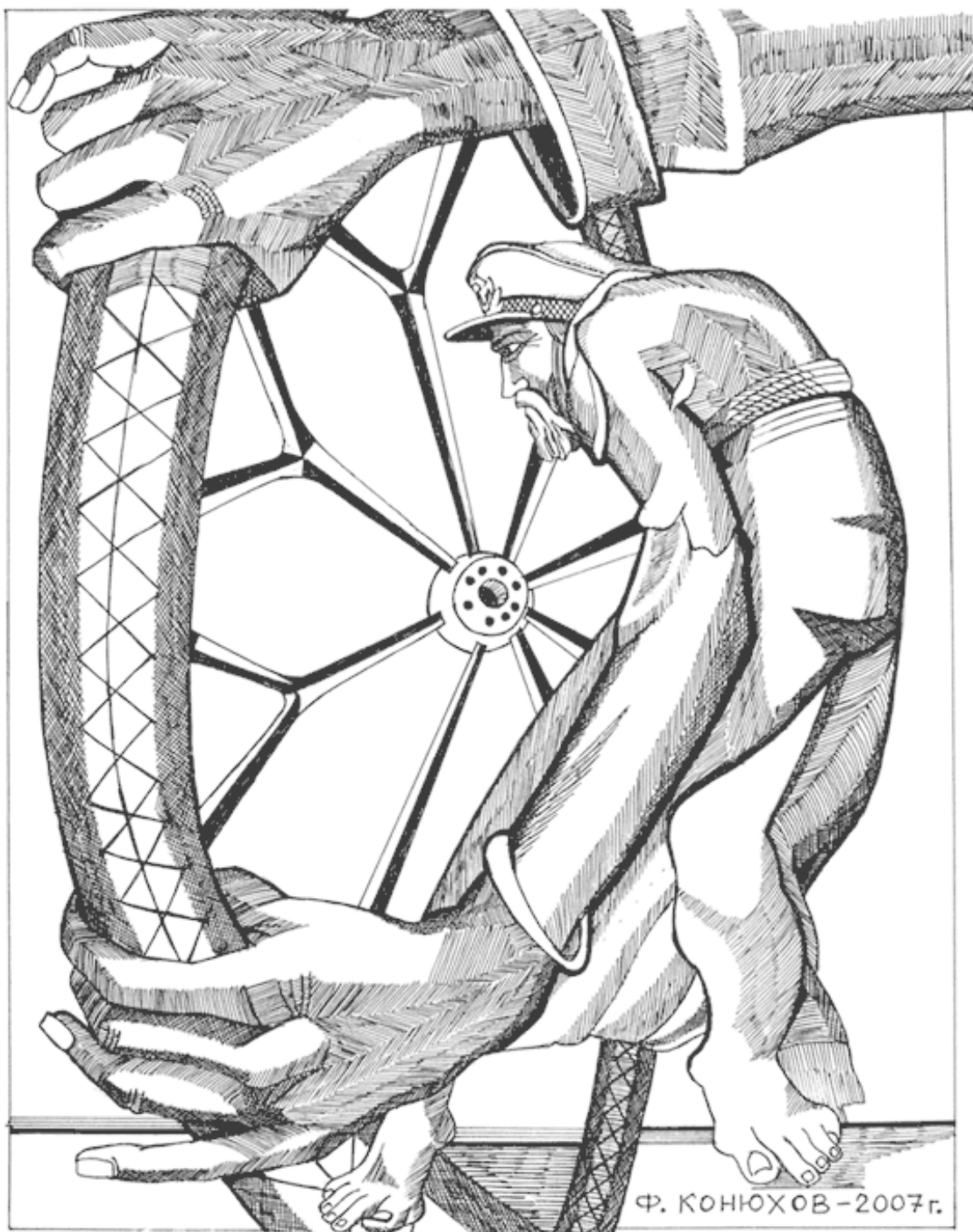
Архитекторы и строители отдают первенство материалу, из которого будет строиться часовня (я им верю и тоже с ними выбираю и приобретаю красивые кирпичи). Люди не интересуются, каким образом я намереваюсь построить храм, где будут молиться. Они не спрашивают, откуда я возьму камни и какой из архитекторов мне подойдет. Я должен из этих камней проторить молитвой дорогу к Господу, она поведет мой народ к храму. И изнемогая, складываю в стены кирпичи и камни, чтобы часовня стала прекрасной; но этого недостаточно, чтобы часовня согрела душу и сердце и хотелось в ней молиться. Достаточно одного-единственного камня, на котором должен быть лик Господа Бога Иисуса Христа.

Не стремитесь удивить людей тем, сколько ушло денег и сколько камней было потрачено на вашу часовню. Господь хочет знать, с какими усердием и любовью ты строил и кормил ли ты

ужином работников, которые помогали строить часовню. Господь судит о тебе по делам твоих рук и сердцу, а не по ненужным делу вещам, которые так возвышают тебя в собственных глазах.

Господи, по Твоей воле скоро закончится мое плавание, я ничего не узнал, но и не хотел ничего узнать, когда уходил в плавание. Любое знание было бы тягостно мне, но в этом плавании впервые я понял, что значимость молитвы – в безответности. Господь слушает мои молитвы и молчит. Господи, в Твоей воле молчать, но мне так нужен знак от Тебя.

Сын Николай! Твоим любимым занятием должно быть читать Божественные писания, жития и учения святых, душеспасительные уроки богомудрых отцов – Антония Великого, Василия Великого, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макария Великого, Варсонофия, Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских. Закончил читать житие святого преподобного Амвросия Оптинского. Широко известен рассказ о старце Амвросии. Однажды к нему пришли две женщины. Одна из них имела на душе великий грех и поэтому была крайне подавлена. Другая же была весела, потому что за ней никаких «больших» грехов не значилось. Старец выслушал обеих и послал их к речке Жиздре.

Первой он повелел найти и принести такой большой камень, какой она только была в силах поднять. Второй – набрать в подол своего платья маленьких камушков. Когда женщины вернулись, исполнив его повеление, старец велел им отнести камни обратно, но непременно положить их на места, откуда они были взяты. Первая женщина легко нашла место, где лежал большой камень, а вторая никак не могла вспомнить, где они лежали, и потому вернулась с ними к старцу. Преподобный объяснил им, что первая всегда помнила о своем великом грехе, каялась и теперь может снять его с души своей; вторая же не обращала внимания на мелкие грехи, а таких оказалось много, и она, не помня их, не могла очиститься от них покаянием.

Мы инстинктивно страшимся смерти, и я не раз наблюдал, как животные или рыбы стремятся выжить во что бы то ни стало. Стремление выжить берет верх над любым другим стремлением. Дар жизни бесценен, и мы спасаем его любыми средствами, и человек никогда не

согласится умереть незаметно, безмолвно, унеся с собой тайну, полученную как дар. Конечно, инстинкт самосохранения существует, но он только часть инстинкта более могущественного. Главное в нас – инстинктивное желание жить вечно. Тот, кто живет телесной жизнью, печется о теле. Тот, кто живет любовью к Богу, ищет вечности, подымается к небу. В этом плавании я открыл для себя иные радости и иные страдания тоже, как без этого? Мои страдания – залог моих радостей. И я вернусь ради своей жены, потому что она – это я, так же, как я – это она. И верность моя ей – верность верующего.

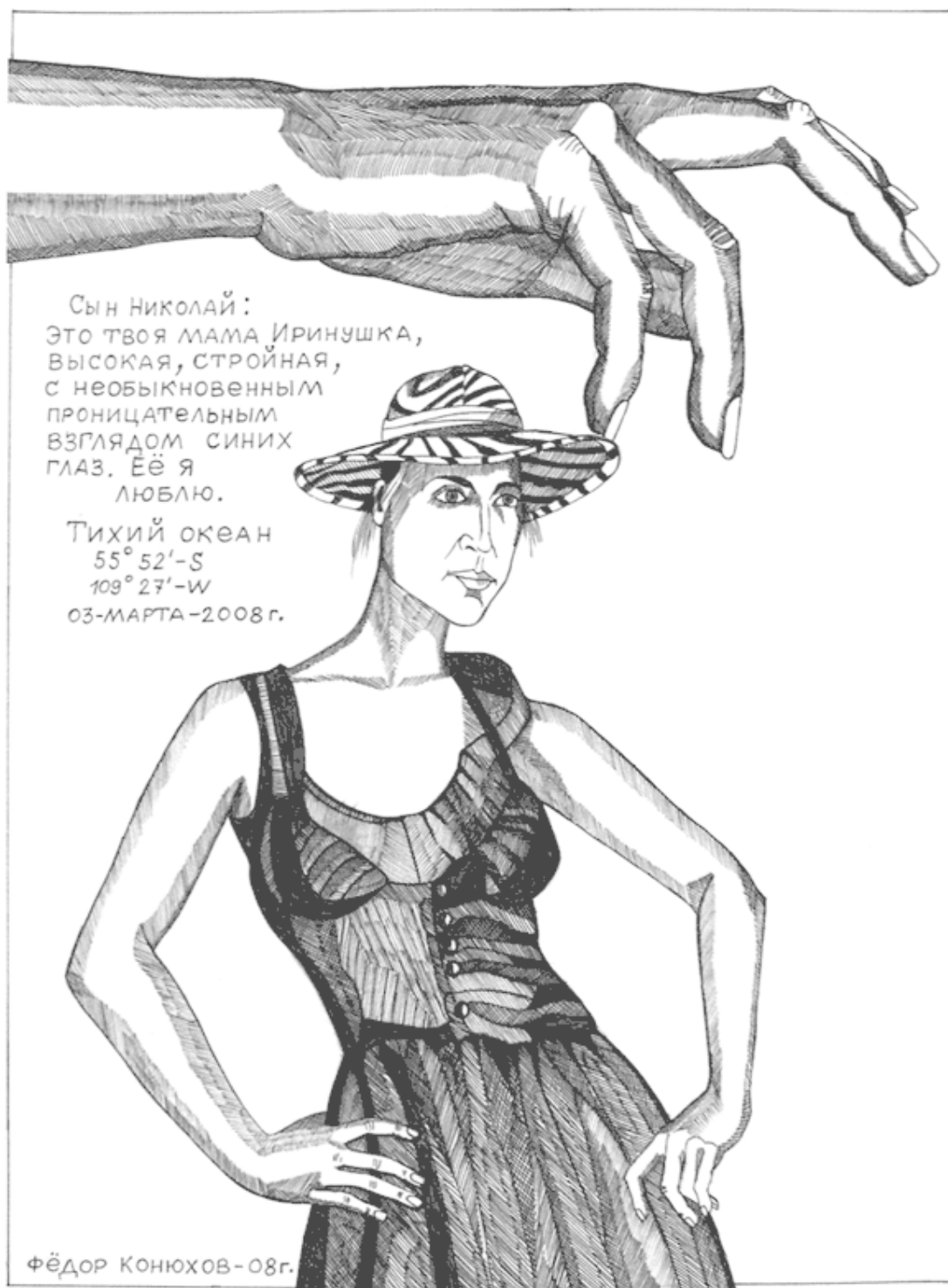
Вот она, тайна, которую мне открыли. Если я желаю избавить жену от ожиданий, уничтожу условность разлуки, помогающей существовать любви, что я подарю своей жене? Океан без берегов? Она улыбнется мне, если я ей буду это дарить. Я тот, кто придает подарку значимость. Я хочу открыть ей глаза, она не видит, в чем значение такого подарка: распахнув перед ней звездное небо, я удивлю ее, и она будет совсем по-другому относиться к моему плаванию. Подумай, с каким чувством ты смотрела бы в бесформенную пустоту океана, если бы не было меня в нем?

Главное в нас – инстинктивное желание жить вечно. Тот, кто живет телесной жизнью, печется о теле. Тот, кто живет любовью к Богу, ищет вечности, подымается к небу.

Здесь я вижу только, как океан тянется и тянется к солнцу, поэтому я решил увеличить паруса и убрал все рифы на гроте. Ветер немного умолк.

Сын Николай! Прими девиз: «Неопаздывающий не опаздывает». Скажи друзьям, как тесно время, как упущенное не возвращается.

Я пятьдесят лет путешествую, пятьдесят лет мучаюсь от штормов в океане, от снега и холода, злого недуга в горах, тону в реках своих грехов. Я наказания достоин. Господи, со слезами в очах прошу Тебя: «Не презри меня с высоты. Дай еще пожить, я не все еще сделал в этом видимом мире. Я еще не исцелил душу мою, хотя естество души моей отягощено грехами, и мне страшно предстать перед Тобой, Господи Иисусе Христе, с такой душой. Господи, дай мне время на замаливание грехов моих. И я обращаюсь к Тебе, Господи, с мольбою: «Наполни тело мое чистым дыханием. Сохрани мне жизнь, Господи, освободи меня от оков искусителя, это он меня гонит в экспедиции. Иисус Христос, верни мне, безумцу, здравый рассудок. Жизнь моя уже преклонилась к закату, а я еще и не начал делать ничего из того, что велено мне свыше совершить на земле. Боже, будь же милостив ко мне, грешному. Аминь!

Сын Николай! Не ищи для себя ни славы земной, ни мученичества, а только иди по пути, на который призовет тебя Господь, иди твердо и верно во след воле Божьей. Живи для Бога! Живи ради Бога! И живи во славу Божью.

Благодетельство есть самое верное убеждение, так как я хочу, чтобы эта моя книга не служила только для одного препровождения времени, а была также и полезна путешественникам, священникам и моим сыновьям Оскару и Николаю.

В конце жизни каждый получит свой заработок. Ярый, смелый, трусливый, ленивый – все придут за платой.

Мои записи в дневнике путешественника не предназначены для широкой публики, и потому я пишу обо всем, что в голову приходит, даже о странном и неприятном. «Записки в океане» – не исповедь, не приглушенный разговор с самим собой. Мое писание призвано воздействовать на читателя, обращено к нему и вне общения с ним так же не имело бы смысла, как мост, который, вместо того чтобы соединить два берега, был бы доведен только до середины реки. Чтобы так писать, я должен был пройти длинный и трудный путь.

Положение ухудшил встречный шторм, пришлось медленно лавировать против ветра. За кормой появился типичный предвестник «южного буяна»: над горизонтом протянулось длинное узкое багрово-синее облако. Я задумался над тем, окажется ли оно на деле таким же зловещим, каким выглядело; поменяется ли ветер и захватит ли меня своим крылом. Надо бы зайти дальше на юг, чтобы выбраться из опасной полосы. Меня охватило отчаяние, возможно, потому, что я чувствовал, что совсем выдохся. Господи, спаси и сохрани меня на этот день! Океан как мясорубка: волны хаотические, яхту ломает, паруса хлопают. Тяжело настроить на курс...

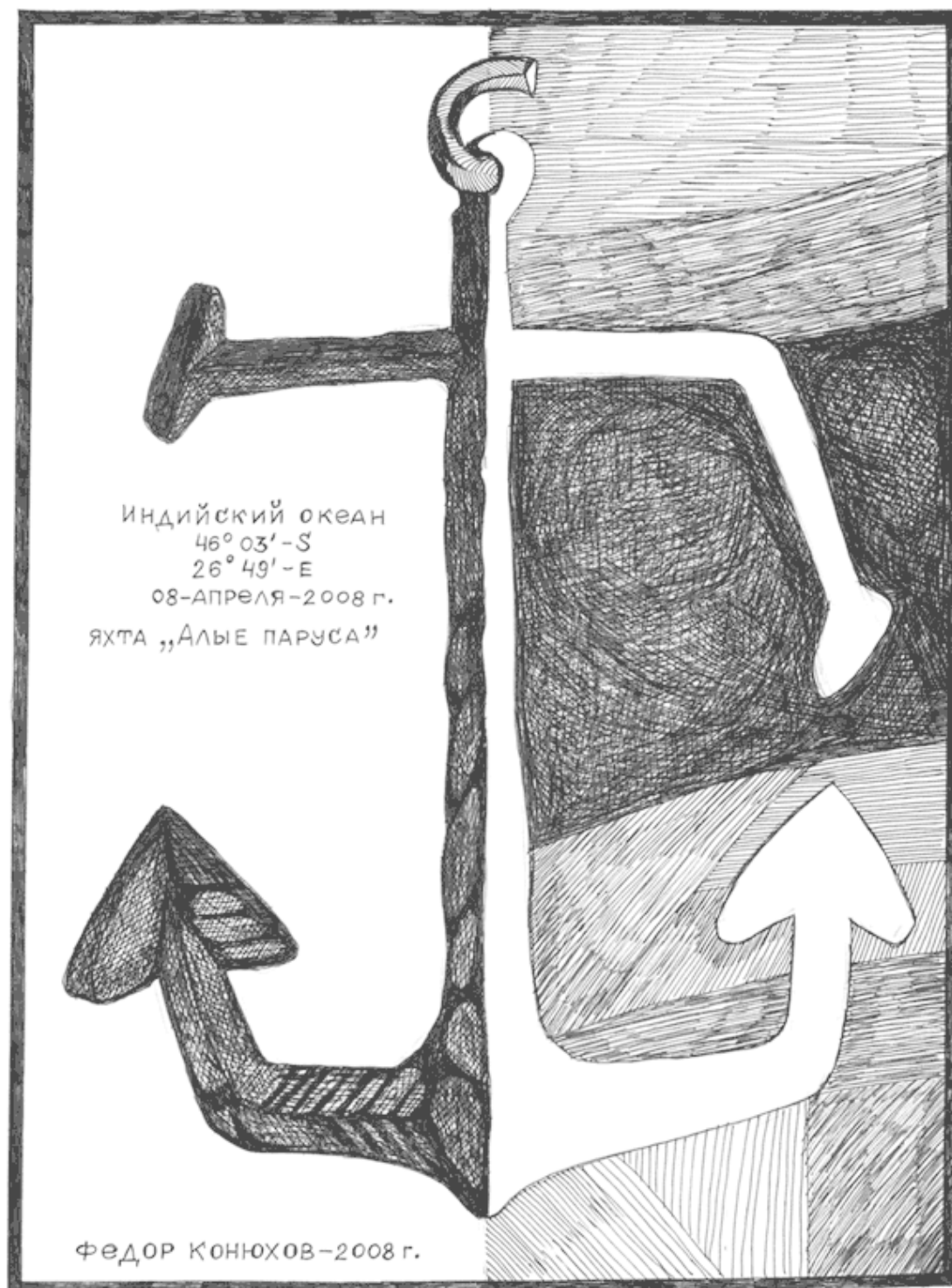
Ветер и океан, слава Богу, утихают. На рассвете ветер упал и зашел против часовой стрелки. По небу плывут рваные тучи. Солнце, похоже, взошло, но его не видать. Темные силы не дают нашему светилу, нашему солнышку, светить на Божий мир. Тучи – это от лукавого, они портят вид Божий. Какая была тяжелая ночь!

Святой священномученик равноапостольный Косма Этолийский писал: «Придет время, и там, где сейчас парни вешают свои ружья, цыгане развешат свои музыкальные инструменты»; святой блаженный Паисий Святогорец говорил: «Там, где раньше подвизались монахи, там, где раньше висели их четки, сейчас голосят радиоприемники и шипят прохладительные напитки!» Понимаешь, о чем речь, **сын мой Николай**? Вместо того чтобы творить Иисусову молитву, они включают радио. Зачем тогда нужен монастырь, если в нем нет тишины?

Вы еще не ощутили, сколь сладко безмолвие. Если вы понимаете, что такое одиночество, то вы лучше поймете, о чем я пишу в этой книге.

Небо тоже, казалось, устало от ярости. Изредка пробивающийся сквозь тучи голубой свет рождал надежду в моем сердце, подсказывал скорое окончание гнева природы и говорил мне, что гнев этот можно преодолеть терпением и постоянством. Долго еще не утихало в воздухе и в океане, но с последним вздохом шторма вздохнул и я. И чем больше вспоминал о шторме, тем больше старался отплатить ему презрением.

Ветер задул попутный, течение благоприятно для моей яхты и меня. Я вспоминаю о прошедшем шторме: тогда на яхте было все печально и уныло – и, напротив, все изменилось, когда через тучи показалось небо, и тогда голубой вид неба разом прогнал с палубы яхты мрачные мысли, скопившиеся против воли. Океан стал знаком мне, и радость моя была безгранична. Небо очистилось от плотной массы облаков. В этих широтах небо – враг мореплавателям: не проходит дня без снега или холодного дождя. Густые облака повисли над мачтой и затемнили от меня верхнюю часть грота. Этот шторм меня изменил, я стал человеческим; странно, очень странно!

Мы живем в один из наиболее мрачных периодов человеческой истории. Несмотря на ускоренное развитие индустриальной и компьютерной цивилизации и научно-технический прогресс, нормы поведения и значение духовных ценностей у всех так называемых цивилизованных наций рушатся с катастрофической быстротой. Сегодня материального богатства в руках человечества сосредоточено больше, чем во все предыдущие времена. Принимая во внимание все эти тревожные факты, нельзя не задаться вопросом: можно ли считать столь трагический процесс «религиозных схваток» прелюдией к новой, светлой эпохе мира и процветания, или же это признак глубокого духовного упадка, за которым неизбежно следует сокрушитель-

ная буря, которая, если не изменить коренным образом ни идеологические, ни религиозные установки, ни руководство, может привести цивилизацию людей, несмотря на все ее достижения, к краху? Размышляя над сущностью и причинами великих потрясений, выдающийся русский писатель Д. Мережковский задал вопрос: «В чем заключается уникальность нашего времени?» И сам же ответил на него: «В столкновении правды с великой религиозной ложью. Сегодня ложь и правда сцепились в такой смертельной схватке, какой не было никогда». А немецкий писатель и философ Освальд Шпенглер поясняет в своей книге «Человек и техника»: «...уже принимаются последние решения, трагедия близится. Каждая высокая культура есть трагедия. Вся история человечества трагична. Но святотатство и падение Фаустовой цивилизации... такого святотатства не могли себе представить ни Шекспир, ни Эсхил. Творение восстает против своего Творца...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.